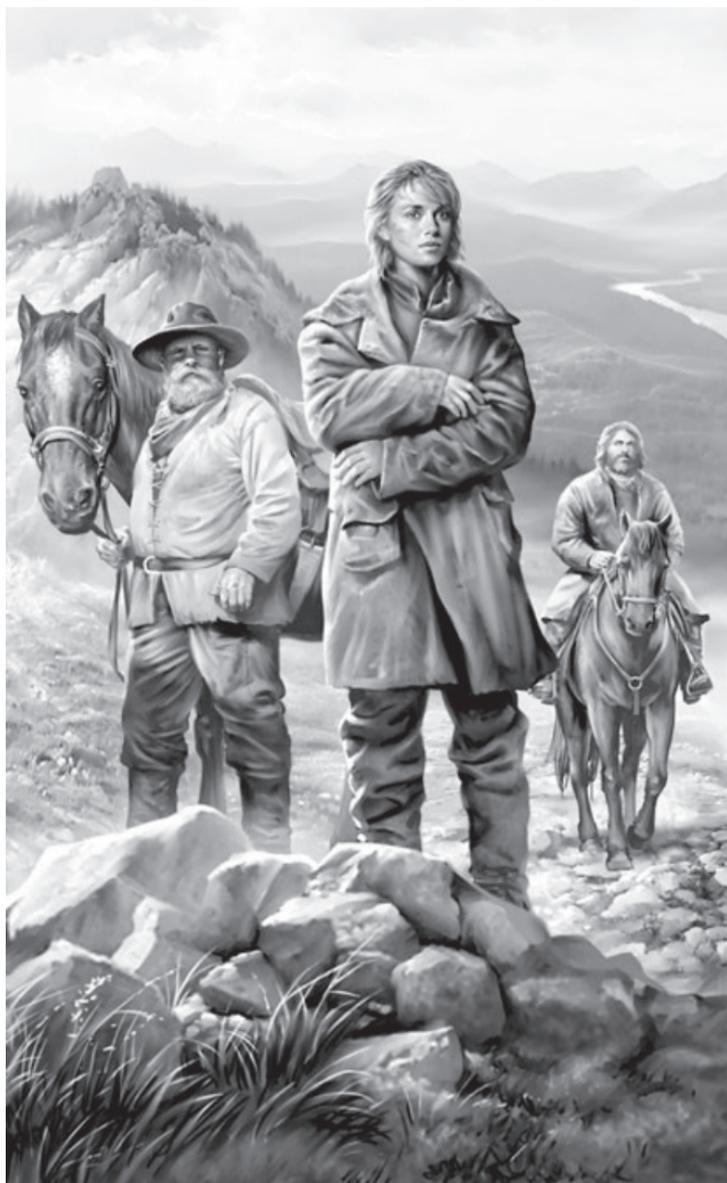

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Вера ЧИРКОВА

**ИСКУСНИК.
ПОТЕРИ И НАХОДКИ**

Роман

Москва, 2017
САРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Серия основана в 2004 году
Выпуск 641

Художник
И. Воронин

Чиркова В. А.

Ч-64 Искусник. Потери и находки: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 281 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2390-3

Если возлюбленная подло предала, а баронские ловцы подбираются все ближе к переставшему быть надежным убежищу, у искусника, имеющего дар создавать почти волшебные вещи, остается только один выход — бежать. Обвести всех вокруг пальца, абсолютно изменив внешность, и бежать как можно дальше. Туда, где можно найти единомышленников, так же истово дорожащих самой главной ценностью — собственной свободой.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чиркова В. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2390-3

ГЛАВА 1

В мягком, золотистом свете свечей, робко подрагивающих рыжеватыми язычками в единственном бра, висевшем в изголовье широкой кровати, спина Хангильды казалась смуглой и чуть угловатой, но он точно знал, насколько обманчиво это зрелище.

Не было в Индруге другой женщины с такой же гладкой и белой кожей, упругой и мягкой одновременно, чуткой и отзывчивой на прикосновения и ласки. Она выглядела загорелой лишь в неверном сиянии свечей, а днем, при солнечном свете, была молочно-белой и матовой, словно авингамский жемчуг. Впрочем, нахальным солнечным лучам уже давно не удавалось даже мельком коснуться кожи Хангильды. Все окна в ее особняке были предусмотрительно занавешены непрозрачными, никогда не раздвигавшимися занавесями, а в гости и на приемы отлично знавшая цену своему телу прелестница ездила, скрытая плотной вуалью и занавесками кареты.

— Ты хотела мне что-то сказать? — негромко и небрежно осведомился Инквар, продолжая неспешно поглаживать еще влажные от страсти спину и плечи ничком лежавшей рядом с ним возлюбленной.

Это звание давно уже не соответствовало действительным чувствам Инквара, но вслух он предпочитал называть ее именно так. И просто по привычке, и отдавая дань довольно бурному поначалу роману.

— А ты не рассердишься? — поднимая голову, кротко пролепетала она, изображая юную и робкую девушку, и Инквар невольно улыбнулся.

Слишком хорошо успел он изучить Хангильду за это время, чтобы не знать, как мало подходит ей такая маска. Но ответил так же кротко и нежно:

— Разумеется, нет, милая. Ты же знаешь, на тебя я не могу сердиться. Так в чем дело? Тебе нужны новые серьги или платье?

Само собой, он сразу, еще по первым словам сожительницы, понял — в этот раз она потребует вовсе не очередное украшение и не какую-нибудь особую услугу. Но и виду не подал, желая, чтобы первый шаг к разрыву Хана сделала по собственной воле.

— Спасибо... ты так добр... — томно выдохнула она и соскользнула с постели. — Но в этот раз у меня немного иная просьба.

Ни капли не стесняясь и даже не подумав накинуть на свое роскошное тело хотя бы прозрачный пеньюар, словно забыв про маску стыдливой девочки, которую выбрала на сегодняшний вечер, Хангильда прошла к столу, кокетливо покачивая бедрами.

Изящно присела на край столешницы и принялась неторопливо снимать с себя последние из оставшихся украшений, небрежно раскладывая их по скатерти, и близко не подозревая, какие мысли стремительно проносятся в голове мужчины, с самодовольной усмешкой наблюдающего за ее движениями.

А Инквар все внимательнее следил сквозь полуопущенные ресницы за очередной ложившейся на стол безделушкой, одну за другой вычеркивая для себя утерянную возможность справиться с бывшей возлюбленной бесшумно и безболезненно. Для нее.

Да, теперь он уже был совершенно уверен в своем праве называть Хангильду бывшей и ничуть не жалел об уходящем в прошлое периоде его жизни. Досадно было другое: она все-таки предала его, и сейчас каждое движение белой руки было доказательством этого предательства.

— Но скажу я его утром, а сейчас иду купаться, — объявила Хангильда, сняв последнее колечко. — А ты пока поспи. Тебе рано вставать.

— Налей вина, — согласно кивнув, расслабленно потянулся Инквар. — Во рту пересохло... ты такая горячая...

Привычно подчиняясь этой просьбе, Хангильда послушно потянулась к кувшину и не заметила мелькнувшей во взгляде возлюбленного жесткой усмешки.

Чтобы женщина в нужный момент выполнила твое распоряжение совершенно бездумно и доверчиво, нужно не один год приучать ее к обыденности этого поступка.

Короткого мгновения, пока прелестница наливала вино, внимательно следя за струей из кувшина, искуснику хватило, чтобы достать из тайничка крошечное зернышко зелья и прилепить его к подушечке пальца. И теперь он с почти искренним восхищением следил за изящной походкой Хангильды, бережно несущей полный бокал.

— Жаль... — выдохнул Инквар и на миг смолк, ощупывая притворно жарким взглядом наизусть знакомое тело, — что мне рано вставать.

Он взял у нее сосуд и отпил почти половину, затем протянул бокал Хангильде, незаметно стряхнув в него свой последний дар:

— Теперь ты.

Женщина знакомо усмехнулась — эта традиция стала у них почти ритуалом — и сделала пару маленьких глотков.

И тотчас покачнулась, начала падать, роняя бокал. Но молниеносно вскочивший искусник ловко поймал посуду с предательским питьем и отнес на стол, лишь после этого вернувшись к безжизненно лежащей на пушистом ковре Хангильде.

— Надо бы влить в твой ротик и остальное, — беззлобно бурчал он, укладывая ее на постель и накрывая одеялом: весна выдалась дождливой и ночами было прохладновато. — Но я же добрый... хоть это ты заметила.

Следующие несколько минут он скользил по комнатам стремительной тенью, собирая свои пожитки и едко кривя

губы всякий раз, проходя мимо сладко спящей Хангильды. Бывшая возлюбленная искренне считала его законченным занудой за незыблемое правило всегда сначала аккуратно убирать на место свои вещи, особенно инструменты, если она вдруг придумывала очередное развлечение. Несколько раз, в самом начале их отношений, она попыталась бастовать против этого правила, но очень скоро убедилась, что Инквар надолго становится глух и равнодушен к ее требованиям и желаниям после каждой такой выходки.

И в конце концов смирилась, даже не подозревая, как сильно сам Инквар ненавидит необходимость тщательно раскладывать по коробочкам и пеналам тончайшие напильнички и крохотные сверла. Зато любит жизнь и точно знает, насколько ее продолжительность зависит от его аккуратности.

Рассовав самые ценные шкатулки и кошельки по туго застегивающимся карманам, искусник в последний раз окинул бдительным взглядом дом, проверяя самого себя. А убедившись, что ничего не забыл, подхватил баул и вещевой мешок и спустился по лестнице на первый этаж.

Там он бесшумно и тщательно запер на все дополнительные засовы входную дверь, проверил, плотно ли закручены барашки ставен, и направился на кухню.

В маленькую дверцу, через которую повар приносил из пристройки дрова, он проскользнул с легкостью, говорящей о неоднократных тренировках, затем захлопнул ее за собой, приподняв сначала внутреннюю защелку. И удовлетворенно ухмыльнулся, услышав глухой лязгающий звук, свидетельствующий об удачно исполненном трюке. Да и как ему не быть удачным, если каждый жест неоднократно проверен и отработан?

По пристройке он шел уверенно, зелье ночного зрения постепенно набирало силу. На стену, где когда-то собственноручно повесил старую рыболовную сеть, беглец тоже забрался легко и привычно. Слуховое оконце, выходящее на крышу заднего крыльца, распахнулось без единого шороха: Инквар никогда не забывал смазывать замки, особенно если

они были предназначены для такого крайнего случая, как этот.

Он высунулся наружу почти по пояс, собираясь скользнуть на черепицу, чтобы затем по столбу спуститься на заднее крылечко, и потрясенно замер, услышав под собой тихое покашливание и сердитый шепот:

— Ну долго еще она будет копать? Я совсем ооченел.

Инквар медленно вывернулся из окна назад, на чердак пристройки, возведенной по его личному проекту якобы для удобства слуг, осторожно, почти нежно касаясь рамы, вернул створку на место и задумался. Хангильда оказалась еще подлее, чем он считал раньше, и не просто предала его, а еще и продала. И явно не продешевила. Несмотря на беспечный вид и неправдоподобно наивный взгляд, по натуре бывшая возлюбленная Инквара была самой настоящей торговкой. Прожженной и беспринципной.

Разумеется, он давно не питал насчет нее никаких иллюзий и загодя заготовил несколько вариантов ухода, так как точно знал: когда-нибудь его удобная и сытая жизнь в светлом и шумном портовом городке должна будет закончиться. Но также заблаговременно принял для себя несколько обязательных правил, главным из которых считал уход из города с чистыми руками.

А вторым — сделать все возможное, чтобы получить в свидетели своей незапятнанной репутации хоть кого-то из людей, уважаемых местными жителями. И чтобы эти очевидцы были готовы подтвердить непричастность Инквара ни к одному из тех дел, за которые вольные бароны или правители таких городов могут мигом засунуть его в камеру. Или, того хуже, в собственную башню для диковинок.

И теперь ему оставалось только выбрать наиболее подходящий вариант. Задача непростая, и ради желания иметь несколько часов форы он сам усложнил ее, усыпив Хангильду не менее чем до утра. Поэтому сейчас ему никак нельзя позволить сидящим в засаде охотникам за его собственной головой, точнее, за свободой проникнуть в дом до того момента, как предательница соизволит проснуться без посто-

ронней помощи. Иначе те, кто заинтересован в его поимке, могут подстроить Хангильде любую пакость, которая позже позволит им во всем обвинить сожителя хозяйки дома и объявить его преступником.

Некоторое время Инквар мысленно перебирал возможные варианты побега, не забывая прислушиваться сквозь оставленную щелку к злому шепоту ловцов. В народе именно так втихомолку называли отчаянных парней, служивших в особых отрядах баронов и правителей городов. В последние десятилетия в изменившемся мире появились драгоценные диковинки, и люди, подобные Инку, входили в их число.

Несколько планов было проверено и отвергнуто по самым разным причинам, но главной среди них стало нежелание Инквара возвращаться в дом. Смутные, как ночные тени, подозрения, догадки, не оформившиеся в точные образы, и тщательно лелеемая бдительность словно объединились воедино, ставя на самых соблазнительных замыслах жирный крест. Интуиция толкала его на использование амулета иллюзии — безумная расточительность, за которую он потом будет долго корить сам себя. Слишком трудно и долго, не за один день, пополнялась в нем энергия, расходовавшаяся за несколько часов или даже минут.

Однако Инквар уже давно уверился, как своевременны бывают редкие всплески его чутья, и предпочитал жить нищим мотом на свободе, чем богатым сквальжником в золоченой клетке.

Лучшую из одежд, соответствующую его цели, — довольно длинный и свободный плащ, вытертый до побелевших пятен, сплетающихся в замысловатый узор, — пришлось вынимать из дорожного мешка, а амулет — из кожаного чехла, тайком собственноручно пришитого изнутри к голенищам неказистых сапог. Баул искусник засунул в мешок, отчего тот стал похож на бурдюк, в каких жившие на юге области кочевники привозили пьяное кобылье молоко.

Этот напиток считался целебным и пробуждающим мужскую силу, и именно поэтому Инквар остановил свой

выбор на нем. Ловцы, как правило, жадны и падки на чужое добро, и редко кто устоит перед соблазном, пользуясь своим особым положением, прихватить для себя хоть каравай или тусок масла вдобавок к тем вещам и людям, за которыми посылал их хозяин. И можно было не сомневаться — ловцы непременно клюнут на нехитрую приманку, поступки и привычки людей имеют свойство со временем превращаться в неотъемлемую часть их натуры.

Помощником, призванным ненадолго отвлечь сидящих в засаде ловцов, искусник избрал толстого кота, питомца приходящей кухарки, и вот это нахальное животное не должно было пострадать в этом небольшом фокусе ни в коей мере.

Тот и не пострадал. Едва Инквар выпустил обжору на крышу крыльца и швырнул прочь наспех скатанный из клочка шерсти шарик, в котором кот видел иллюзорную мышку, как толстяк с мявом свалился прямо на голову одного из ловцов.

Почему тот внезапно покинул свой пост и шагнул на дорожку — услышал ли шорох или просто решил прогуляться, — гадать искусник не стал. Сейчас было необходимо сполна использовать неожиданное изменение наспех придуманного спектакля. Пока ловец шипел вслед мохнатому охотнику проклятия и копался в карманах в поисках тряпицы, искусник успел незаметно соскользнуть с крыши и присесть в тени стены. И как только котяра, не обнаружив никакой мыши, разочарованно повернул назад к знакомому крыльцу, за которым его всегда ждали тепло кухни и плошка с молоком, Инквар поспешил направить на него луч амулета, превращая животное в иллюзию покачивающегося от избытка выпитого бродяги.

И почти сразу же вступил в игру и сам. Вскочил и ринулся к иллюзорному пропойце, бормоча ничего не значащие слова на несуществующем языке и добавляя в них стоны и проклятия для прояснения зрителям сути происходящего.

— Ай, горе мне, горе, разорил, бандит, жулик! Нехим бучуй кандарбы! Выпил полбурдюка и не заплатил ни медяка! Помогите, люди добрые, я не местный!

— Эй, чумак! Ты, ты! — мгновенно попался на удочку пострадавший ловец, призывно махая Инквару руками. — Ну-ка, иди сюда! Плесни немного своего пойла... царапины протереть!

— Моя твоя не понимай, — сладенько улыбаясь, пропел Инквар и попятился назад.

— Сейчас поймешь, — оглянувшись на закрытую дверь, сошел со ступенек второй ловец, снимая с плеча свое основное оружие — хитро сложенную тонкую волосяную веревку с петлей на конце.

Все ловцы умели мастерски бросать аркан, одним движением опутывая жертву и сильным рывком роняя ее на пол, и потому медлить далее было нельзя. Инквар развернулся и ринулся прочь, хваля себя за предусмотрительность. Не раз и не два обошел он за три последних года все прилегающие дворы и проулки и знал теперь в них все щели, лазы и незапертые калитки.

Он нарочно бежал зигзагами, надеясь, что позже это спишут на страх и выпитое вино, и, едва поравнявшись с первой заветной калиткой, шмыгнул туда, как мышка. И с этого мгновения больше не изображал никакого торговца, убежал в полную силу, перепрыгивая через заборы и проскальзывая в узкие дыры.

Уже через несколько сотен шагов он оставил преследователей далеко позади, запутав их в переулке, из которого не было ни одного явного выхода на соседнюю улочку. Отныне Инк не сомневался — теперь ловцы не скоро вернуться к дому Хангильды, профессиональное чутье никогда не позволит им прекратить преследование слишком верткого кочевника.

Да и нечем больше объяснить им своим собратьям внезапный уход с поста, кроме как подозрительным поведением торговца.

Вскоре Инквар стоял возле крыльца знакомого дома и аккуратно дергал за сигнальную бечеву. Три раза, потом один и снова три. Чужих сюда по ночам не пускали. Как, впрочем, и днем.

К этому моменту он успел снять нелепый на вид плащ, спрятать свои узлы в надежном глухом закоулке и выглядел теперь точно так, как обычно. Аккуратным, застегнутым на все пуговицы занудой.

— Инквар? Проходи. Раненько ты сегодня.

— Получил весточку, что контрабандисты продают другу волчьего глаза... нужно бы посмотреть, пока Тынерс не перехватил. Сам знаешь, из волчанки получают лучшие амулеты от ядов и сглаза. Но если ехать не нужно, буду только рад, моя кошечка скучает, когда меня долго нет.

Это тоже было хорошо продуманным ходом, преувеличенно много рассказывать, как трепетно он относится к Хангильде, свято выполняя все ее настоящие и придуманные им желания и капризы. И втихую сваливать на них те из своих поступков, каким его компаньон иначе не смог бы найти логичного объяснения.

— Где торги?

— В этот раз в «Морской звезде», — сказал Инквар чистую правду, лгать в таких вещах — самое последнее дело.

У Фертина хватает собственных, надежных способов добычи информации, и нельзя исключать возможность проколоться.

— Когда ты намерен отправиться?

— Если тебе очень нужен этот камень, то я должен уже сидеть в седле. Напрямик ехать нельзя, по улицам шныряют ловцы. Ловят какого-то кочевника, я случайно услышал. А чтобы добраться до «Звезды» в окружающую, нужно не менее трех-четырёх часов. Не могу же я мчаться как на пожар. Да и посмотреть на таверну издали не помешает, мой человек обещал подать знак.

— Коляску развозчика зелени возьми во дворе Шарана, — решил Фертин, подумав не более минуты. — Фартук и шляпа под сиденьем. И может, завезешь заодно клиенту алый комплект?

— Нет, извини, но комплект не возьму, — категорически отказался Инквар, точно зная, что это проверка. — Сам зна-

ешь, лучше не рисковать, когда ловцы на улице. Вечером вернусь и так отнесу, ничего с ним не случится, обождет.

— Как скажешь, — расслабился Фертин и выдал тяжелый кошель с золотом. — Вот деньги на камни. Если будет еще что-то стоящее — бери.

— Чтобы нам потом Тынерс пакости делать начал? — с сомнением протянул искусник. — Пусть лучше остальное он берет. Ведь договаривались все не хватать.

— С твоей осторожностью мы такие прибыли теряем!

— Зато ходим на свободе и спим рядом со своими кошечками, — начиная притворно сердиться, фыркнул Инквар. — Мне пока еще нравится смотреть в окно без решеток. Ладно, я пошел. Куда тележку поставить, когда вернусь?

— Оставь на площади, возле зеленой лавки, Миз заберет, — успокоенно кивнул Фертин, все проверки его приказчик, а на самом деле опытный искусник, прошел без труда.

Знал бы он еще, как долго и упорно Инквар готовился к этому экзамену и как тщательно изучал привычки и ловушки хозяина лавки редкостей и артефактов.

Уже через десяток минут переодетый в фартук и шляпу зеленщика искусник нарочито неторопливо катил на одноколке по посыпанным морским песком улочкам, надежно спрятав под сиденьем и корзинами со слегка привядшей зеленью свою куртку и дорожный мешок.

Он направлял лошадку на запад, как и предупреждал Фертина, но вовсе не собирался сворачивать, выехав из городка, на проселочную дорогу. Наоборот, намеревался отехать как можно дальше и, избавившись от приметной повозки, свернуть на юг, в небольшой городок, где старый восточный тракт пересекается с дорогой, ведущей в степные районы. Здесь ему делать больше нечего, и три года, прожитые в относительном спокойствии и безопасности, потрачены вовсе не зря.

Инквар сумел за это время приготовить несколько мощных амулетов защиты и накопить достаточно денег, чтобы хватило пересечь континент с запада на восток и перейти

через перевал в долину, куда открыт проход только таким же, как он.

Но прежде чем туда попасть, придется найти способ пробраться через поставленные вольными баронами кордоны и бандитские ловушки. Всем хочется иметь в рабах человека, умеющего делать такие замечательные зелья и вещички, с которыми жизнь становится намного безопаснее и длиннее.

ГЛАВА 2

Вечер застал путешественников неподалеку от небольшой деревушки, стоящей на берегу широкой Ладвы, и Кержан, вожак обоза, огромный, как медведь, и такой же лохматый, объявил ночевку.

— Встанем тут, а на рассвете начнем переправляться, — негромко сказал он и решительно направил свою лошадь к кустам.

Остальные повозки и телеги послушно потянулись туда же, и Инквар, отчетливо рассмотревший разочарование на рожах некоторых пассажиров, едко усмехался. Он ехал с обозом уже пятый день и успел убедиться, как верно поступает Кержан, не позволяя взятым под опеку возчикам и путникам вечерами разбредаться на ночлег по дворам попадавших на пути городков и деревушек. Въезд в ворота обнесенных оградой поселений стоил недешево, а размещать там телеги и лошадей было трудновато. На постройке стен жители таких небольших деревень обычно старались сэкономить и лишнего места не оставляли.

Кроме того, вожаки обозов не любили исполнять местные правила и кланяться мелким барончикам или старостам, да и не видели в том никакой выгоды. Лучше спать в продуваемых ветерком шатрах или телегах, зато не придется вожаку бродить спозаранку по домам и отыскивать охочих до браги и женских ласк пассажиров.

Ну а жители, имеющие на продажу продукты или желающие оказать какие-то услуги, и сами прибегут к обозу,

причем уже с мешками и корзинами: можно будет поторговаться и выбрать необходимое.

Нарочито побряхтывая, Инквар слез с телеги. В путешествии он изображал старика, полноватого и нерасторопного. Охотно рассказывал всем желающим, будто бы ездил на похороны старшего брата, поистратился и простыл, да еще и, зазевавшись, лишился на городской ярмарке кошель. Якобы повезло, что перед этим купил обновку своей старухе, пришлось возвращать ее в лавку. Вот на те самые деньги теперь и едет.

Он не отлынивал ни от каких поручений вожака и выполнял их неспешно, но добросовестно, и за это Кержан бесплатно наливал ему похлебки из котла, в котором возчики варили общий харч. В этот вечер Инквар тоже безропотно чистил овощи, с нарочитой неуклюжестью мужчины, которому редко приходится заниматься «бабьими» делами, подбрасывал в костер дрова, а после ужина мыл котел и миски. На утро варева никогда не оставалось, вожак возил с собой двух волкодавов, таких же огромных, как и он сам, и все недоеденное вываливал в их миски.

Вот эти псы и подняли путешественников среди ночи тихим, угрожающим рычанием. Опытные путешественники, успевшие за несколько дней похода оценить неподкупность, свирепость и чуткость громадных черных и лохматых псов, заметили и еще одно их ценное качество: днем те никогда не рычали и не лаяли даже на незнакомых людей без особого сигнала хозяина.

Зато ночью, после того как Кержан, проверив лошадей и караульных, укладывался в своей повозке, устраивались рядом с ним и становились истинными стражами и неусыпными дозорными обоза. И если уж рычали, то только по делу.

Изображать в непроглядной темноте старика Инквар не стал, кубарем скатился под телегу и тайком накинул на шею амулет ночного видения. Доставать и пить при спутниках зелья было некогда, да и по меньшей мере опрометчиво, в темноте любой из мечущихся по стоянке мужчин мог слу-

чайно толкнуть и выбить драгоценный флакончик. Зато не стоило беспокоиться, как бы кто-либо не заметил абсолютно несвойственной старикам изворотливости. В такой напряженный момент никому из торговцев и воинов не было никакого дела до нищих спутников.

На стоянке властвовал тот самый хаос, который кажется новичкам паникой, но на самом деле является хорошо отработанной подготовкой к обороне. Прежде чем достать оружие, готовые защищать себя и своих спутников со сталью в руках мужчины выхватывали флакончики с зельем ночного глаза. Потихоньку тлевший в центре поляны костер караульные затушили первым делом, не собираясь становиться в его свете удобными для нападавших мишенями. Хотя вскоре, проследив, в какую сторону злобно рычат оба волкодава, вожак с облегчением перевел дух: опасность пока еще была далековато.

Судя по всему, кто-то напал на небольшую деревушку, расположенную на противоположном берегу, и теперь каждый из путешественников в обозе возносил про себя благодарность богам и хвалу Кержану за мудрое решение отложить переправу на утро. Иначе все они сейчас были бы в центре боя, если уже не в цепях.

И совершенно не имело значения, кто именно в этот момент грабит несчастных крестьян: неуловимая банда ночников или соседний барон. Итог всегда один. Тех, кто будет сопротивляться слишком рьяно, убьют, остальных уведут в плен. Сильные и выносливые люди, жившие в такой глуши, тоже были ценностью. Но далеко не всегда их продавали или отправляли на самые тяжелые работы. Некоторые из правителей, кто похитрее, предпочитали привязывать жертв к своим владениям одним из зелий или амулетов, приготовленных подобными Инквару людьми.

Именно поэтому он не собирался вязываться в драку, если мародерствующий на другом берегу отряд решит-таки перебраться сюда. В подобном случае искуснику остается только одно: нырнуть в кусты и призвать на помощь все свое мастерство, чтобы исчезнуть бесследно.

За рекой слышались крики и звон оружия, а в обозе было так тихо, словно все снова уснуло. Однако внимательно следивший за спутниками Инквар отлично видел напряженные спины мужчин и их руки, сжимающие рукояти всевозможного оружия. Хотя некоторые приготовили вовсе не мечи, а различные снаряды из магических лавок вроде заведения Фертина. И цена пары вещиц из тех, какие успел заметить и опознать Инквар, была много выше стоимости путешествия в этом обозе. А поскольку он точно знал, что никто не бросает последний амулет или нож при малейшем намеке на опасность, то и важность совершенно неприметных ранее путешественников немедленно возросла в его глазах в несколько раз.

Если им предстоит и дальше странствовать вместе, искусник постарается приглядывать за этой парочкой в оба глаза.

Ну а пока ему оставалось лишь наблюдать за всеми из-под телеги, лежа на тощем мешке, с которым Инквар путешествовал. Все остальное его богатство уместилось в собственноручно сшитом нательном жилете из отлично выделанной хромовой кожи. Из-за этой работы он и просидел пять дней в древних руинах, каких много осталось в долинах со времен звезднопада. Зато успел сделать все приготовления, на которые не хватало времени в доме Хангильды.

С помощью зелья выкрасил отросшую щетину в сивый цвет, приклеил над бровями косматые клочья шерсти, а на ноздри — лохмотки крашеной свиной кожи, мгновенно превратившие его собственный тонкий, ровный, аристократический нос в припухшую старческую грушу. Теперь Инквару оставалось лишь не забывать по утрам смазывать подбородок красящим зельем, чтобы корни отрастающей щетины не выдали обмана.

Почти час путники пристально следили за рекой, в сторону которой были обращены морды умных животных. Постепенно все расселись по телегам и повозкам, некоторые закутались в одеяла. Хотя весна все сильнее забирала

власть в нежно-зеленые лапы, ночами в долинах пока еще было довольно прохладно.

Незаметно выполз из-под своей телеги и Инк, но остался сидеть на земле, прислонясь к колесу. Кержан, время от времени бдительно обходивший обоз, издали глянул на него и довольно усмехнулся, но подходить не стал. Видимо, счел испуганно тарасившегося в темноту старика слепым, ведь позволить себе зелье ночного зрения мог далеко не каждый. А делиться такими ценными снадобьями с первыми встречными в разномастной среде путешественников не принято. Но если бы он казался на вид крепким мужиком, способным держать в руках колун или вилы, то, вполне возможно, кто-нибудь и расщедрился бы, в подобных схватках лишних не бывает. Но неуклюжий дед будет только путаться под ногами, поэтому пусть лучше сидит на своем месте. А залезть под телегу во время схватки у него ума хватит.

Вскоре за рекой встало зарево пожара, и почти одновременно с этим прибежали к обозу посланцы от деревенского старосты. Он обещал всем путникам бесплатный постой и обед, если они срочно переберутся под защиту стен. Инквара такая наивная хитрость весьма посмешила: вряд ли селяне расщедрились бы на такое предложение, если бы не боялись повторить судьбу заречных соседей.

Кержан собрал на военный совет самых богатых и сильных мужчин и вскоре объявил путешественникам о принятом решении перебраться в деревню. Как водится, не все выслушали сообщение вожака с одинаковым воодушевлением, но этого и можно было ожидать. Пока обоз стоит под сенью густого перелеска, у путников еще остается призрачная надежда на возможность сбежать, а в деревне ее уже не будет. В случае нападения налетчики не оставят поселок, пока не проверят все закутки.

Хотя самому Инквару ничего не грозило, старики и калеки никому не требовались. А вот детей и молодежь бандиты обычно вылавливали подчистую. Позже отданные под присмотр строгих воспитателей мальчишки становились верными слугами и воинами. А девочек продавали в самые бо-

гатые дома, и вовсе не для блуда. Женщин в долинах теперь рождалось меньше, чем мужчин, и за красивых и скромных невест женихи платили богатый выкуп. Хотя некоторые попадали в гаремы баронов и веселые дома, пользовавшиеся необыкновенным спросом, и с этим ничего нельзя было поделать. Людская жадность всегда выбирает самые грязные и легкие пути наживы.

До самого утра путники дежурили на возведенных возле стен помостах наравне с местными жителями, но уже к рассвету стало ясно, что напавшие на деревеньку грабители ушли. Погасли пожары, и только кое-где поднимались к небу жидкие дымки.

— Ночники были, — мрачно произнес кто-то из селян, глядя на этот дым, и все молча с ним согласились.

Люди баронов никогда не жгли ни домов, ни овинов, оставляя возможность бродячему люду заселиться в свободных жилищах и понемногу вернуть опустевшим селам жизнь. Да и некоторые банды ночников старались придерживаться этого правила и особо не лютовали, разве что в тех случаях, когда не было иного способа выкурить из домишка особо упорного селянина.

Инквар хмуро смотрел за реку и решал про себя важную задачу: ехать ли и дальше с этим обозом или придумать себе болячку и несколько деньков погостить в деревне. А потом пробираться в Азгор другим путем.

Жизнь научила его осмотрительности, а постоянные предательства — бдительности. И ему не верилось, что осторожные и подозрительные, как лисы, ночники налетели на деревню, не проведя прежде тщательной разведки. Да и наблюдатели наверняка не один день следили за всеми проходящими путниками и редкими обозами. И не заметить вереницу телег и повозок, показавшихся на закате на косогоре за рекой, они никак не могли.

Инквар прикинул, как поступил бы на месте бандитов он сам, получив такое известие, и мрачно фыркнул. Любому, у кого в голове мозги, а не тыквенная каша, предельно ясно — два намного лучше одного. И судя по рассказам о налетах и

нападениях, к которым он всегда относился с особым интересом, все ночники так и делали. Ждали, пока обоз пройдет через облюбованное ими село, и в узком месте брали в клещи. А потом, погрузив связанных путников в их же собственные телеги, возвращались к деревне и собирали второй урожай.

А в этот раз они отступили от своего правила, и это могло означать очень многое. Возможно, где-то поблизости находились люди одного из баронов или отряд наемников, которых бароны и правители городов нанимали в складчину, чтобы хоть немного навести порядок на дорогах. А может, просто ночники спешили уйти, чтобы не встретиться с соперничавшей бандой, и, как ни печально, ни один из этих вариантов не казался искуснику ни невозможным, ни достаточно достоверным.

Да и опасался искусник, как ни смешно признаваться, не столько неуловимых бандитов, сколько отряда наемников, который вполне мог нагрянуть, получив известие о новом нападении. С командирами таких карательных отрядов зачастую ездили дознавателями черные искусники, являвшиеся на самом деле рабами баронов или градоправителей. И Инквар был бы последним глупцом, если бы надеялся обмануть их накладными бровями и париком.

— Неплохо бы остановиться тут на пару дней, — осторожно предложил кто-то из путешественников, и все опасно покосились на вожака.

Решать будет он, а кто не согласен — может оставаться в деревне и жить хоть все лето, насильно в телегу никто сажать не станет. Но каждый знает, насколько небезопасно отставать от надежного обоза. Вполне возможно, после принятия такого решения друзья и родные тебя больше уже не увидят. В селах живут вовсе не кроткие пастушки, и от падающей в руки добычи никто из них никогда не откажется. А если кому-то и не по нраву придутся действия соседей, выдавать все равно никуда не побегут, в деревнях главный закон — круговая порука. Инакомыслящие тут не приживаются.

— Подождем до обеда, — подумав, веско обронил Кержан. — А сейчас позавтракаем и отдохнем. Эй, староста! Где там обещанные пироги и сметана?

Однако спать до обеда им не пришлось: не успело солнце подняться над верхушками расцветающих яблонь, как из разграбленной деревни приплыл на лодке вестник.

Едва раздалось тихое рычание псов, как спавший вполглаза Инквар насторожился и бессовестно подслушал торопливое пояснение примчавшегося за вожаком парнишки. А узнав ответ Кержана, мнимый старик немедленно встал с лавки и увязался за ним, уверяя, будто никогда не умел дрыхнуть днем.

— Не так и много их было, — хмуро рассказывал собравшимся вокруг него людям еще крепкий селянин с сильно исцарапанными руками и обломанными, грязными ногтями. — Хитростью взяли да снадобьями. Через стену в самом открытом месте перебрались и остальных впустили. У каждого факел в руках, но не огонь, а дым... едкий до невозможности. Все кашляют, слезы льются, а им хоть бы хны, но мордах тряпки намотаны. Пробовали мы отбиваться — куды там... сунут в харю свою головешку — и катишься прочь.

— Так у вас убитых нет?

— Есть, как не быть. Кузнец защищал своих племянников, сестра прислала на лето погостить... овдовела она, а мужнины дела запутанные. Ну и начал он в налетчиков болванками и молотами швырять, когда они потребовали парнишек отдать, мужик был здоровенный. Вот и получил пику в горло, охнуть не успел.

— А вы уверены... — тяжело произнес Кержан, — что это были ночники? Вроде те никогда таких хитростей не изобретали.

— Надписи на них не было, но скот не тронули, только сало потребовали да яйца. И по домам не особо шастали, собрали всех подростков, кто спрятаться не успел, стожки подожгли и ускакали.

— А сено-то зачем? — не понял кто-то из ехавших с обозом горожан.

— Так весна, корма последние, а трава еще не поднялась, — думая о своем, пояснил староста, — вот мужики и бросились сено спасать. Чтобы без скотины не остаться.

— Да если б и не спасали, за ними бы не погнались, — обреченно буркнул селянин. — У них кони лоснятся и запасных десятков, детей по двое привязывали.

Инквар сочувствующе вздохнул и спрятал взгляд. Картина вырисовывалась непонятная и оттого еще более тревожная. Судя по описаниям, совершенно не похожи были ночные грабители на дикие банды охотников за живым товаром. Никогда не было у тех лоснившихся и ухоженных лошадей, да и деньги на зелье ядовитого дыма они тратить не любили. Само-то оно стоило не так дорого, зато противоядие, каким положено было смачивать тканевые маски, продавалось в лавках, где можно достать изготовленные искусниками вещицы, едва ли не на вес золота. Зато всего этого было достаточно у банд, входящих в гильдию ночников; ее главари держали в рабстве несколько черных искусников. Но ночники предпочитали нападать на богатые обозы и крупные села и никогда бы не ушли, оставив нетронутой эту деревню.

Кержан раздумывал недолго, выдал вестнику пару себрушек и велел старосте готовить для обоза плоты.

— А в засаду мы не угодим? — осторожно осведомился один из путников, запомнившийся Инквару по дорогим зельям.

— На первом плоту сам двинусь, а как станем подплывать, собаку вперед отправлю, — мрачно зыркнул на него из-под мохнатых бровей вожак, и ни у кого больше не возникло никаких вопросов.

Переправа через полноводную по весеннему времени реку затянулась почти до заката. Все устали, переругались из-за очередности и, поскольку прикрикнуть на них было некому, едва не устроили драку.

Инквар не лез ни в ссоры, ни на первые плоты, сидел себе под кусточком на взятой с телеги дерюжке и строил планы на будущее. Он нарочно добирался в Азгор не напрямик, а, как заяц, путал следы и менял направление без видимой причины. Хотя вроде и не наследил, и погони за собой не чуял. Да и лишнего не взял, а повозку зеленщика отправил в город со встречным обозом. Но точно знал: те, кому продала его Ханги-льда, будут в ярости и непременно пошлют ловцов во все города, куда на его месте они бы отправились сами.

Да только и он не был ни самоуверенным снобом, ни новичком в этих играх и никогда не имел привычки считать своих врагов дураками. И отлично знал, как они будут рассуждать и где попытаются его поймать. И делал все, чтобы быть хотя бы на пару шагов впереди.

На берег он сошел последним и не торопясь полпелся за телегой в сторону ограбленного села, прикидывая про себя, как поступит вожак. Немедленно скомандует отправление или остановится здесь до утра. Догонять уходящих с добычей бандитов — не самая лучшая шутка, и Кержан это, несомненно, знает, значит, можно готовиться к ночлегу, но лично для него, Инка, в этом нет ничего хорошего. Лишний день пути значительно уменьшит с таким трудом добытую фору.

Однако предугадать поворот событий в этот раз ему было не суждено. Возле настежь распахнутых ворот толпились люди, в основном мужчины, и почти половина из них были его спутниками, а остальные щеголяли домоткаными крестьянскими штанами и вязаными жилетами из грубой шерсти. Даже издали было понятно, что беседуют они вовсе не о погоде и не о ночном налете. Судя по напряженным позам путников и вилам, которые поудобнее перехватывали селяне, между ними разгорелась нешуточная ссора, и Инквар знал всего пару причин, какие могли так разъярить местных жителей. И первая — не сошлись в оплате за перевоз — казалась ему совершенно невероятной.

Кержан отлично знал местные цены и никогда бы не пожалел лишней серебряшки для пострадавших селян. А вот вторая причина была намного серьезнее, и искусник, поспе-

шивший обшарить толпу взглядом, вскоре ее нашел. Прижавшийся к воротному столбу рыжий парнишка в невзрачном, длинноватом и слишком просторном, явно с чужого плеча, кафтанчике и растоптанных ботинках, тоже переживших не одну починку, диким волчком смотрел на Кержана и наседавших на него мужиков. Их было трое, и у каждого в руках были не вилы, а топор. И не простые, какими рубят лес или плотничают, а боевые, с широкими, остро наточенными лезвиями и длинной ручкой.

Вожак держал наперевес длинную зазубренную пику на кованой рукояти, в умелых руках становившуюся страшным орудием. По обе стороны от Кержана страшно щерили огромные клыки волкодавы, а позади них стояли те двое путников, которых заметил ночью Инквар. Один из них жестом фокусника небрежно крутил в пальцах небольшой, почти игрушечный кинжал-шило, словно собирался чинить упряжь или лямки походной сумы, а второй с таким же скупающим видом вкладывал болты в многозарядный арбалет, стоивший никак не меньше выездной пары лошадей.

Не доходя до места стремительно надвигавшейся драки, искусник приостановился и построил на лице самое испуганное выражение, одновременно хладнокровно прикидывая, где можно будет спрятаться от случайных ударов разъяренных соперников. Знал по опыту — в таких потасовках разгоряченные боем противники лупят, не разбирая, и правых, и виноватых, и не успевшим сбежать зевакам порой достаются самые тяжелые раны.

Разумеется, пожелай Инквар остановить эту драку и пожертвовать одним из своих флаконов, он мог бы одним броском уложить всех присутствующих спать, но сам после этого должен был бы немедленно бежать отсюда и прятаться намного усерднее, чем прежде. Поэтому у него и в мыслях не было делать такую глупость, и, кроме того, искусник ни грана не верил в необычайную смелость и воинственность селян.

Где же эта смелость была у них ночью, когда бандиты вытаскивали из стогов и подвалов их детей и привязывали к

седлам? Интересно Инквару было другое: каким образом не попал в лапы ночников этот рыжий пастушок и зачем он так нужен Кержану?

Инквар пристально рассматривал парнишку, ничуть не боясь этой откровенности, — все остальные путешественники изучали причину внезапной войны с не меньшим любопытством.

И с каждым мгновением, с каждой деталью начинал все отчетливее понимать, как неверно оценил с первого взгляда этого паренька, и, что намного обиднее, не только его одного. Не менее загадочными ему теперь казались и двое очень нетрадиционно вооруженных спутников, да и сам вожак.

Причем вожак более всех. Если бы Инквар несколькими днями раньше хоть на миг заподозрил открывшуюся ему сейчас истину, то никогда бы и близко не подошел к его обоим. И теперь нужно было срочно решать, стоит ли рисковать и ехать с этими людьми дальше или все же придется остаться в деревне. Ненадолго, разумеется, всего на день-два, а потом отправиться в путь в одиночку. Очень нелегкая и рискованная задача, но не такая уж невыполнимая.

— Надеюсь, все вы понимаете, — неожиданно мягким, звучным баритоном заявил селянам путник с арбалетом, — что шутить никто из нас не собирается и отступать тоже. И могу вас уверить, если вы не бросите оружие и не разойдетесь миром, вечером ваши заречные соседи поделят ваш скарб и ваших женщин. Неужели этот чахлый городской отпрыск того стоит? Вожак ведь предлагает за него неплохой выкуп, значительно больше, чем дают за таких задохликов бароны.

— У нас теперь огороды полоть некому и скотину пасти! — выкрикнул какой-то горлопан из задних рядов.

— Не смей меня, — презрительно фыркнул Кержан. — Какой с него полотьщик? А скот у вас пасут опытные пастухи, которые каждую кочку и каждый перелесок наизусть знают. И с детства привыкли целыми днями с неоседланных коней не слезать. А этот и сам сгинет, и скот потеряет. В общем, так, в последний раз спрашиваю: берете серебро? Или и без денег его увезу.

— А вам-то он зачем? — дерзко выкрикнул вздорный мужичок, прятавшийся за спинами соседей. — Небось продадите втрое дороже!

— А простое соображение, что я хочу хоть одного сына вернуть матери, тебе в голову не пришло? — едко осведомился Кержан. — Или туда светлые мысли никогда не заглядывают? Ну и в память о Парвене, не раз он мне коней ковал и повозки чинил... хороший был мастер и человек душевный, не чета вам.

— Прибавь хоть пяток монет, — мрачно буркнул стоявший напротив него мужик, и искусник перевел дух.

Слава богам, селяне оказались не законченными негодяями, а просто жадными дураками.

— Три, — бросил ему монеты вожак. — И только ради ваших баб. Им и так сегодня горя хватило.

Дождался, пока селяне отступят и разбредутся в стороны, кивнул рыжему на свою повозку и только после того, как тот исчез под пологом, сурово оглядел хмурые лица путешественников и негромко скомандовал отправление.

Спорить никто не стал, даже словечка не проронили. Прекрасно понимали — выдержать без сна вторую ночь будет очень нелегко, а спокойно лечь спать в этой деревне может только последний лопух.

Инквар тоже безропотно полез на свое место, ситуация в корне изменилась, и теперь не было и речи о том, чтобы оторваться от спутников. Возможно, позднее... но это решение он примет, лишь тщательно все обдумав.

ГЛАВА 3

Кержан гнал обоз едва ли не до полуночи, сделав лишь пару кратких остановок, чтобы путники могли сбегать в кусты, и Инквар окончательно убедился в правильности своих догадок, понаблюдав, как вожак отправлял свое новое приобретение прогуляться под надзором умного пса.

Теперь ему было понятно все. И ради чего дядя обрядил рыжика в такие обноски, ведь кузнецы во всех селах — са-

мые зажиточные люди после трактирщиков, и почему парнишка не стирает с мордочки грязные разводы, и кто так неровно и уродливо обкорнал его яркую шевелюру. Хотя, вполне возможно, это вовсе не его собственные волосы, искусник сам частенько пользовался париками и знал множество хитрых способов их крепления.

На ночлег встали на берегу небольшой речушки, и по тому, как уверенно Кержан провел в темноте повозки по петляющей между кустов почти незаметной тропе, было ясно — зелье ночного глаза он не экономит. Да и это укромное местечко было ему, по-видимому, хорошо знакомо. Здесь, несомненно, безопасно, иначе вожак никогда бы тут не остановился.

Но, несмотря на все эти доводы, прятать далеко приготовленные на крайний случай флаконы Инквар все же не стал. Не прекращая исподтишка наблюдать за сиротой, искусник с каждым часом все яснее осознавал, какую огромную головную боль и ничуть не меньшие неприятности приобрел могучий обозник вместе с рыжиком.

Разжигать костры вожак не разрешил, велел перекусить остатками снеди, полученной у селян правобережья, и путешественники снова смолчали. Хотя некоторые и посматривали на нового спутника очень хмуро, однако Кержан не обращал на эти взгляды никакого внимания. Не проявлял особого интереса к путешественникам и рыжий, считавшийся со времени заключения сделки личным имуществом обозника. Сжавшись в комок, молча сидел в уголке повозки и изредка стрелял по сторонам недоверчивыми, злыми взглядами.

Сам вожак относился к нему с показным равнодушием, и эта тактика исподволь начинала тревожить искусника. Кержану стоило бы поговорить со своей покупкой начистоту или доверить это Гарвелю, тому самому обладателю шикарного баритона и редкого оружия. И сделать это нужно было как можно скорее, Инквару на собственном примере было

известно, на какие безумные поступки способны доведенные до отчаяния люди.

Жаль только, сам он в этом обличье ничего советовать не мог. Кто же станет слушать старого ротозея, проворонившего собственный кошель?

Но все же решил принять некоторые меры, и не столько ради Кержана или его неожиданной головной боли, сколько ради самого себя. Ведь если с девчонкой, так хитроумно переодетой в парнишку, что ее не разоблачил ни один из приметливых селян, случится какая-нибудь неприятность, можно будет забыть о своевременном прибытии в Азгор и о выигрыше во времени, полученном с таким трудом.

Инквар помянул недобрым словом проклятых ночников, так некстати подгадавших свой налет, и откусил порядком помятый холодный пирог, невольно припомнив свиные ребрышки с острым соусом, которые так часто подавал к ужину повар Хангильды. Это только на приемах и танцевальных вечерах его сожительница корчила из себя томную неженку и могла с самым несчастным видом весь вечер ковырять одно пирожное. Зато дома, едва сорвав с себя украшения и платье, почти бегом мчалась к столу и уничтожала дожидавшийся ее ужин с таким аппетитом, какому мог бы позавидовать любой из баронских наемников.

Неведомым путем мысли искусника вновь вернулись к жареного мяса к сидевшей на повозке девчонке, и он едва не подавился, внезапно отчетливо осознав простую истину, которая до сих пор почему-то ускользала от его внимания. А ведь девчонка-то никак не смогла бы сама замаскироваться так ловко! Да и кузнец тоже вряд ли приложил к этому руку, поскольку племянники прибыли к нему уже в таком виде. Значит, над ее обликом поработал кто-то из тайных мастеров, и осознание этого совершенно меняло дело.

Все мастера, верные тайным законам братства свободных искусников, считали долгом чести помочь собратьям по ремеслу, если подворачивалась такая возможность. И теперь Инквар просто не имел права оставаться в стороне от рыжей напасти, которая, судя по всему, была очень дорога

кому-то из его коллег. Значит, первым делом необходимо дать рыжей понять, что он знает ее секрет и обязательно поможет ей вырваться из так внезапно свалившегося на нее рабства. А потом доставит сироту в надежное место, откуда она сможет сама добраться до матери. Или послать той весточку.

Инквар кряхтя поднялся с пригорка, на котором сидел, отряхнул со штанов крошки и побрел в кусты, радуясь своей предусмотрительности. Если бы он спрятал свои флаконы в тайные карманы жилета, пришлось бы уходить подалее и потом изображать заблудившегося. Нищему старику никак нельзя показывать спутникам своей способности ориентироваться в темноте не хуже большинства из них.

На обратном пути искусник словно случайно набрел на повозку вожака, зашлепал ладонями по всем вещам, какие попались под руки, старательно тараща глаза и сооротив испуганную гримасу в ответ на тихое ворчанье пса. Резко метнулся в сторону, едва не запнулся о чьи-то ноги и оказался в крепких руках Кержана. Тот без лишних слов подтолкнул старика к его месту и пошел дальше, не слушая благодарного бормотания.

Инквар устроился в своем уголке телеги, поплотнее заматался в одеяло, подоткнул полог и еле заметно лукаво усмехнулся. Он был уверен в чистоте проделанного фокуса. Никто из спутников и не подумает искать крохотную еловую иголку, одним виртуозным движением пальца приклеенную под воротник затрапезного кафтанчика рыжей комедьянтки. Ну а зелье на иголку нанесено простое, расхожее, его часто берут купцы и торгаши разных мастей. Достаточно немного капнуть на любой предмет, а потом на амулет поиска, и ни одна ценная вещица не уйдет из лавки в карманах забывчивых посетителей.

Угомонился обоз почти мгновенно: сказалась бессонная прошлая ночь и напряженный, трудный день. Не стал исключением и Инквар, хотя привык спать очень чутко, беспечность — непозволительная роскошь для его профессии.

А на рассвете искусника разбудило встревоженное гудение мужских голосов, похожее на зуд пчелиного роя. И даже еще не открыв глаза, Инквар уже твердо знал: произошло нечто из ряда вон выходящее. Никакая обыденная неприятность не заставила бы вожака обоза скрипеть зубами и взрыкивать, подобно загнанному барсу.

— Доброе утро, — осторожно приветствовал спутников Инквар и неторопливо поплелся мимо них к речке, попутно рассматривая все, что попадалось на глаза, намереваясь составить собственное мнение о важности происходящего. И первым делом для его собственных планов, в которые судьба и так добавила забот о незнакомой ему доселе рыжей девочке. Впрочем, рыжая ли она на самом деле, тоже пока неизвестно.

У крохотного костерка, умело разожженного под огромным выворотнем, сидел на корточках Кержан и грыз сухарь, пытаясь этим хрустом скрыть свою ярость. Его обычно угрюмо-непроницаемое лицо потемнело от гнева, но во встревоженном взгляде чуть прищуренных черных глаз изредка мелькали растерянность и едва заметная обида. Но больше всего поразило Инквара поведение его собак: они лежали под кустом, положив головы на лапы, и поглядывали на вожака виновато, как щенки, пойманные в момент уничтожения хозяйского сапога.

— И тебе, — пристально оглядев старика, благодушно отозвался Гарвель и с наигранным легкомыслием поинтересовался: — Хорошо спал?

— Да, как младенец, — довольно улыбнулся искусник. — За две ночи наверстал. Пойду умоюсь... небось скоро двинемся?

— И ничего не слышал? — поднял на него темный взгляд Кержан.

— Ни одного звука, сморило как отрезало, — все медленнее говорил Инквар, начиная понимать, что так замечательно спал он вовсе не один. — Ох ты, боже ж мой! Так случилось чего?

— Парнишка сбежал, — спросив взглядом разрешения вожака, посвятил его в суть проблемы Гарвель. — Вчерашний, рыжий.

— А собаки? — оглянулся старик, и псы еще плотнее прижались к траве, словно поняли, о чем речь.

— Спали вместе с нами, — нехотя буркнул путешественник и отвернулся от старика, потеряв к нему всякий интерес.

Зато вожак глянул как-то загадочно, поднялся с корточек, отряхнул с колен крошки.

— Идем, провожу тебя к речке, — равнодушно буркнул он. — Все равно воды набрать нужно.

Подхватил почти пустой бурдюк и первым шагнул к кустам. Искусник мгновенно почувствовал опасность, натренированная бдительность так и взвыла раненым зверем, но теперь у Инквара не было никакой возможности куда-либо свернуть или отказаться. Раз Кержан хочет с ним поговорить, то уже не отступит.

Да и собаки, повинаясь незаметному щелчку хозяйских пальцев, мгновенно поднялись с места и двинулись за ними.

— Старик... — уйдя по берегу шагов на двадцать, напряженно произнес Кержан, — я уважаю чужие тайны и никогда в них не лезу. Но этого мальчишку мне нужно найти обязательно. Ничего не пожалею, если сможешь хоть что-нибудь сделать...

— Ничего мне не нужно, — сухо произнес Инквар, с огорчением понимая, что его тайна давно раскрыта и вовсе не так уж безопасно он путешествовал, как наивно считал до этого момента. — Только честные ответы на мои вопросы.

И хотя очень надеялся на устраивающее обоих окончание переговоров, все же крепче стиснул в руке флакон с мощным парализующим зельем, который достал, пробираясь сквозь кусты. Жаль, конечно, ценное снадобье, но если цена за молчание и помощь будет слишком высока, придется им пожертвовать.